

УДК 323.26+323.27

АЛЕКСАНДР РЕЗНИК,

доктор социологических наук, главный научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Социальная напряженность и массовые протесты в Украине: отличие детерминант и механизмов проявления

Аннотация

В статье предпринята попытка концептуализировать феномен социальной напряженности в Украине путем сравнения его факторов с детерминацией участия в массовых протестах. На основе данных Института социологии НАН Украины и фирмы “Ukrainian Sociology Service” прослеживается динамика детерминации социальной напряженности на уровне ощущений и на интенциональном уровне и выявляются факторы участия в протестных акциях во время Оранжевой революции и Революции Достоинства. Применение регрессионных методов позволило обнаружить не только различия в детерминации социальной напряженности и массовых протестов, но и выявить отличительные факторы некоторых проявлений социальной напряженности. В частности, устойчивыми детерминантами оценки вероятности возникновения протестов являются политическая эффективность и тип поселения респондентов. Факторами готовности лично участвовать в протестах являются политическая эффективность, интерес к политике, участие в общественных организациях, негативные оценки жизненной и политической ситуаций и ориентация на плановую экономику. Массовые политические протесты, напротив, коррелируют главным образом с макрорегиональной принадлежностью и геополитическими ориентациями.

Ключевые слова: *социальная напряженность, массовые протесты, депривация, социально-психологические ресурсы, структурные размежевания, Украина*

Вступление

Если рассматривать социальную напряженность как возникновение дисбаланса между структурными элементами социальной системы, то детерми-

нацию этого явления обычно связывают с институциональными изменениями в социально-экономической, политической и социокультурной сферах. Предпосылки социальной напряженности в украинском обществе с самого начала общественных трансформаций возникли во всех сферах жизни. Наряду с этим особенности институционального развития Украины в 1990-х годах обусловили ряд факторов, которые сдерживали социальный взрыв. Характер проявления обнищания в субъективном измерении и одновременное существование прежних и новых институтов обеспечивали социальный порядок, при котором “новые” социальные акторы не стремились к радикальному перереформированию политической сферы, к люстрации, репрессиям и т.п., опасаясь решительного сопротивления, а представители “прежних” слоев частично сохраняли свои привычные социальные роли и позиции [Головаха, 1997; Головаха, Паніна, 2001a]. Особенности украинской политической системы, связанные с частой сменой власти в условиях формирования олигархического политического класса, позволяли избежать массовых протестов экономического характера. Институциональная система распределения власти способствовала стабилизации функционирования слабоинтегрированного общества [Резник, 2005a]. Низкий уровень доверия украинских граждан как к центральным, так и к местным органам власти тормозил процессы политической регионализации. Так называемый нулевой вариант обретения гражданства Украины для всех, кто находился на территории УССР в момент провозглашения независимости, предотвратил этническую стратификацию [Резник, 2004]. Хотя попытки политиков актуализировать языковой вопрос вносили в политическое пространство элементы социальной напряженности, все же языковой фактор не стал первоочередным инструментом конфликтной солидаризации в украинском обществе [Сохань, 2007].

С другой стороны, массовые протесты, вспыхнувшие в 2000-х годах, указывают на то, что существовали определенные предпосылки, способствовавшие превращению социальных противоречий в серьезные политические конфликты. Неожиданное противостояние между протестующими и властью во время Оранжевой революции и Революции Достоинства (Евромайдана) продемонстрировало традиционные региональные размежевания в отношении как к геополитической перспективе, так и к ценностно-нормативному содержанию существования украинского общества. Этими противоречиями воспользовалась Россия, которая в 2014 году захватила часть украинских территорий. Аннексия Крыма и война на Востоке Украины привнесли новые контуры социальной напряженности в виде реакции на постсоветский реваншизм “Русского мира”. Стремительное падение уровня жизни, рост преступности и отсутствие немедленных результатов от проведения реформ в “постреволюционный” период, безусловно, привели к усилению социальной напряженности, однако не обусловили серьезных массовых протестов.

Таким образом, несмотря на то, что социальная напряженность и массовые политические протесты считаются взаимосвязанными явлениями, примеры существования социальной напряженности без последующих протестных проявлений или вспышек “неожиданных” массовых протестов указывают на существование научной проблемы в концептуализации феномена социальной напряженности и его детерминант. Предлагаемая статья является попыткой показать различия в специфике детерминант этих явлений.

Понятие социальной напряженности

Главная проблема в определении социальной напряженности заключается в ее многомерности, которая может касаться как потенциальных, так и явных социальных конфликтов. Понятие социальной напряженности шире, чем понятие социального конфликта. В западной социологической литературе термин “социальная напряженность” использовался sporadически. Так или иначе, принято считать, что в функционалистских подходах социальная напряженность рассматривалась как предпосылка дестабилизации в контексте индивидуализированного восприятия разных социальных ситуаций и процессов типа межэтнических и межрасовых отношений, разного рода девиаций, социальной дезинтеграции, делегитимации, аномии и т.п. [Parsons, 1945, 1951; Smelser, 1962; Sugarman, 1969]. В конфликтологических подходах она, напротив, считалась нормальным явлением социальных изменений и модернизации общества [Turner, 1985: p. 31–34].

Из таких позиций исходили и украинские социологи, которые в начале 1990-х начали рассматривать социально-психологические последствия трансформаций. В. Небоженко считает, что “социальные напряженности являются нормальным состоянием и необходимым условием жизни трансформирующегося общества. Другой вопрос — какова цена, направленность и уровень этой напряженности. В таком смысле я рассматриваю перманентную и универсальную социальную напряженность как главную характеристику трансформирующегося украинского общества. В итоге социальная напряженность как неизбежный результат взаимодействия между субъектами социального действия (институциями, регионами, группами и личностями) уже не рассматривается только как некое отклонение от “нормы”, которое нужно как можно быстрее устранить” [Небоженко, 1994: с. 12]. В конечном счете в украинской социологии выделились две традиции описания феномена социальной напряженности. Одна традиция сосредоточивает внимание на содержании и детерминантах социальной напряженности. В отечественном справочнике “Соціологія: короткий енциклопедичний словник” социальная напряженность определяется как “состояние, возникающее в обществе вследствие действия дестабилизирующих факторов и проявляющееся в росте негативных социальных настроений и деструктивного поведения, что таит в себе опасность социального “взрыва”, разрушения определенных структур или всего общества” [Дмитрук, 1998: с. 345]. В то же время факторы и механизм формирования социальной напряженности описываются в русле объективных и субъективных противоречий, а социальная напряженность рассматривается как многоуровневое явление, формирующееся, с одной стороны, в результате сопоставления субъективных ожиданий людей с объективными параметрами действительности, а с другой — в результате объективных противоречий в экономической, политической, правовой и других сферах жизнедеятельности индивидов [Дмитрук, 1998: с. 346]. На социальном взаимодействии делает акцент Е. Суименко, рассматривающий социальную напряженность как состояние межгрупповых и межличностных отношений, которые приобретают характер одностороннего или взаимного политического, правового, финансово-экономического, организационного или силового противодействия. Основанием социальной напряженности является столкновение экономических интересов [Суименко, 1999: с. 89]. О. Чернявская предлагает собственную интер-

претацию понятия социальной напряженности, под которой понимает особое состояние социальной системы (группы, сообщества, общества), находящейся в процессе социальных изменений. Это состояние является следствием возникновения и развития социальных противоречий и устойчивого чувства социальной неудовлетворенности, которые отражаются на состоянии общественного сознания и поведении социальных субъектов [Чернявська, 2001]. О.Бабак определяет социальную напряженность “как характеристику социального климата общества, являющуюся предпосылкой возникновения и фоном протекания социальных конфликтов и предполагающую осознание или предчувствие социальными субъектами несовместимости или противоречивости интересов, потребностей или ценностей друг друга” [Бабак, 2002: с. 4]. По мнению М.Слюсаревского, социальная напряженность подобно психологической напряженности “является реакцией общества (сообщества, группы) на условия жизнедеятельности, которые действительно представляют угрозу реализации значимых потребностей и целей социальных субъектов, а то и самому их существованию, либо с такой точки зрения воспринимаются. Поэтому в самом общем виде социальную напряженность правомерно определять как психическое состояние социума, возникающее в ответ на экстремальные влияния” [Слюсаревский, 2002: с. 12–13]. Иными словами, эта традиция заостряла внимание на состоянии неудовлетворенности, возникавшем вследствие противоречий в процессе социального взаимодействия социальных субъектов.

Еще одна традиция связана с социологической школой Н.Паниной, представители которой известны методическими наработками измерения социальной напряженности. Так, Э.Клюенко определяет социальную напряженность в условиях трансформирующегося общества как дестабилизационный потенциал установок населения на социальный протест [Клюенко, 1998: с. 2]. В этом ключе Н.Панина разработала методику измерения уровня социальной напряженности в украинском обществе, основным показателем которого является “Индекс дестабилизационности протестного потенциала” (ИДПП). Основой вычисления ИДПП служили результаты экспертных оценок в отношении разных форм социального протеста в зависимости от уровня их дестабилизационности. В итоге экспертные оценки уровней угрозы определенных акций протеста для социального порядка и стабильности, полученные по 11-балльной шкале, ранжировали перечень акций социального протеста по уровню дестабилизационности [Головаха, 1999]. В то же время О.Владыко считает, что уровень социальной напряженности в обществе можно измерять по следующим показателям: наиболее общие протестные настроения (всеобщая готовность к протесту), конкретные протестные настроения (готовность поддержать конкретные акции протеста), готовность принять непосредственное участие в массовых выступлениях и оценка вероятности их возникновения [Владыко, 2004]. Под методологическим углом зрения акцент на протестном потенциале позволил эмпирически подойти к феномену социальной напряженности. Ведь именно связь с протестным потенциалом отличает состояние неудовлетворенности как социальное явление, отделяет его от сугубо внутренних состояний неудовлетворенности, зачастую не связанных с социальным взаимодействием.

Итак, исходя из отечественного опыта исследования проблемы, явление социальной напряженности можно рассматривать как состояние неудовлетворенности социальных субъектов в отношении собственных потребностей и

интересов, формирующееся в рамках социального взаимодействия посредством сопоставления собственных ожиданий с реальностью и становящееся основой протестного потенциала. В отличие от социального конфликта, социальная напряженность является закрытой формой столкновения интересов социальных субъектов. В случае невозможности решить накопившиеся противоречия конвенциональными способами социальные субъекты вынуждены прибегать к неконвенциональному протестному поведению.

Факторы социальной напряженности и протестного поведения

Из множества теоретических подходов, которые выясняют факторы социальной напряженности как протестного потенциала и собственно протестного поведения, выделяются несколько, оказавшихся действенными и практически значимыми. Среди этих подходов можно условно выделить депривационный, идеологический, ресурсный и структурный.

Проявления депривации. Подход, основывающийся на традиции индивидуализации напряженности при анализе неблагоприятных социальных ситуаций, обращается к проявлениям депривации, когда индивид не может удовлетворять определенные жизненные потребности в достаточной мере в течение длительного времени. Вследствие этого усиливается чувство обиды, недовольства, распространяются пессимистические настроения, что ведет к возникновению социальной напряженности, а при определенных условиях — протестного поведения. Так, в концепции относительной депривации, предложенной Т.Гарром, массовые протесты и революции происходят при условии значительного и одновременного повышения ожиданий касательно реализации потребностей и интересов и снижения возможностей их воплощения [Gurr, 1970]. Весьма убедительным примером при такой объяснительной схеме служит феномен “революции притязаний”, зафиксированный В.Магуном, когда стремительный рост социальных притязаний советской молодежи в отношении привилегированных социальных позиций в условиях их отсутствия из-за законсервированности социальной структуры обусловил недовольство и делегитимацию советского социального порядка [Магун, 1998; Магун, 2004]. Проявления депривации как существенные факторы социальной напряженности зафиксированы и в отечественных исследованиях. Так, в 1990-х годах среди причин возможного участия населения Украины в акциях протеста доминировали проблемы материального выживания [Небоженко, 1994; Бекешкина, 1994: с. 37–40; Бекешкина, 1993; Мищенко, 1998: с. 100; Головаха, 1997: с. 61–64]. Однако непосредственные исследования факторов социальной напряженности не обнаруживали существенного влияния материального расслоения на социальную напряженность. В частности О.Бабак установила, что личные усилия людей, направленные на выживание в “параллельных” экономических отношениях (натуральные поступления, незарегистрированная трудовая деятельность), смягчают неравенство по доходам и тем самым уменьшают вероятность перерастания социальной напряженности в протестное поведение [Бабак, 2002: с. 4]. Наряду с этим было замечено, что переживание разнообразных стрессовых ситуаций повышает готовность человека присоединиться к массовым выступлениям против политики властей [Головаха, 2001b].

Политико-экономические ориентации. В высокоразвитых странах протестная активность чаще встречается среди людей, исповедующих левые

идеологические взгляды. Это связано с тем, что они, часто мобилизуемые левыми политическими партиями в борьбе с социальным неравенством, склонны бросать вызов политическому статус-кво [Powell, 1982]. Вместе с тем отсутствие открытой политической активности и конкуренции может ослабить влияние идеологических факторов. Если граждане не могут мобилизоваться и принимать участие в протестах, то даже четкие идеологические взгляды не приводят к протестному действию [Dalton, 2009]. Социологические исследования в Украине конца 1990-х — начала 2000-х годов фиксировали тенденцию влияния идеологических размежеваний на протестные настроения. В частности, протестный потенциал преобладал среди людей с левой идеологической ориентацией: сторонники социализма в большей мере, чем приверженцы капитализма, декларировали свое согласие принять участие в митингах и демонстрациях протеста [Головаха, 1999; Головаха, 2001b]. С другой стороны, содержание идеологических противоречий в Украине часто проявляется противоположным образом, когда социальная напряженность возникает среди людей с прорыночными взглядами [Влади́ко, 2005].

Ресурсы. Детерминанты социальной напряженности и протестного поведения можно охарактеризовать и как определенные ресурсы когнитивного характера, и как объективные ресурсы (возраст, образование, деньги, место жительства), позволяющие индивиду активнее проявлять свою неудовлетворенность. Процессы модернизации и урбанизации способствуют формированию основных ресурсов — массового образования и социальной мобильности, важных для мобилизации протестных групп. Теория мобилизации ресурсов предполагает, что протестные движения зависят от эффективности накопления материальных и социальных ресурсов [McCarthy, 1977; Tilly, 1978; Jenkins, 1983]. Сочетание наработок теории мобилизации ресурсов и социально-психологических подходов воплотилось в продолжительных эмпирических исследованиях протестного поведения, которые обнаружили существенное влияние накопления материальных и организационных ресурсов и социально-психологических стимулов, побуждающих к участию в протестных акциях (политический интерес, политическая эффективность, чувство гражданского долга, партийная идентификация и т.п.) [Verba, 1995: p. 269–273; Verba, 2005; Stekelenburg, 2013].

Отечественные исследования тоже фиксируют влияние ресурсных факторов на наличие протестного потенциала. В частности, выявлено, что в начале 1990-х годов склонностью к неконвенциональным формам протеста отличалась молодежь и люди с высокой самооценкой социального статуса [Панина, 1993]. Среди других социально-демографических факторов социальной напряженности выделялись поселенческие различия [Суименко, 1999: с. 90]. Более поздние исследования указывали на то, что среди тех, кто был готов принять участие в определенных акциях протеста, оказалось больше молодежи и людей с более высоким уровнем доходов и образования [Влади́ко, 2005]. Впрочем, ключевой детерминантой социальной напряженности в украинском обществе стал фактор политической эффективности — представления людей о возможности влиять на действия центральных или местных властей [Влади́ко, 2005; Zhukov, 2015]. То есть политическая эффективность индивида заостряет его внимание на своих интересах и увеличивает его притязания в отношении социальной среды. В целом ресурсные

факторы оказались ключевыми в воспроизводстве протестных практик немассового характера в “межреволюционные” годы [Резнік, 2009].

Структурные размежевания. Теория социальных расколов (С.М.Липсет и С.Рокан) исходит из того, что политическое поведение людей обусловлено не сознательными политическими предпочтениями, а принадлежностью к большим социальным группам, образовавшимся вследствие разных отличий или даже социальных конфликтов [Lipset, 1985]. Детерминация протестного поведения связана с проявлениями идентификации и солидарности с религиозными, этническими, языковыми, миграционными, региональными, поселенческими и классовыми группами [Deegan-Krause, 2007; Ayers, 2008]. Структурные расколы сначала обуславливают групповую идентификацию и уже потом воспроизводят идеологию протестного движения [Melucci, 1989; Stryker, 2000; Klandermans, 2002; Opp, 2009].

Существование в украинском обществе региональных и языковых различий наложило на геополитические ориентации, когда вопрос вектора развития Украины в определенном направлении — европейском или евразийском — вел к социальной напряженности, по крайней мере в публичном пространстве. Однако эмпирические данные фиксировали только региональные особенности склонностей к неконвенциональным формам протеста [Панина, 1993; Головаха, 1997: с. 63; Головаха, 2001b: с. 192–194; Стегній, 2004]. А вот более выразительное влияние структурных размежеваний проявилось в отношении массового протестного поведения, когда участие в протестных действиях во время Оранжевой революции и Революции Достоинства главным образом обуславливалось региональной поляризацией и геополитическими ориентациями [Резнік, 2009; Reznik, 2016]. Это склоняет к предположению о том, что структурные размежевания становятся решающими в момент перерастания социальной напряженности в фактические протестные действия массового характера.

Подводя итоги рассмотрения теоретических подходов, которые объясняют детерминанты социальной напряженности и массового протестного поведения, можно предварительно концептуализировать отличия в механизмах формирования этих явлений. Социальная напряженность возникает в социальных взаимодействиях, для которых характерна неудовлетворенность определенной ситуацией или явлением в социуме. Важными факторами подпитки социального сравнения и, соответственно, социальной напряженности являются объективные и субъективные ресурсы, побуждающие индивидов стремиться к решению определенной проблемы и добиваться его. О существовании угрозы массовых протестов можно говорить тогда, когда осознание индивидом своих интересов приводит к социальной поляризации: происходит идентификация с референтной группой (“мы”) и становятся явными антагонисты (“они”), которые могут представлять другую социальную группу. Критический уровень протестного потенциала — уровень солидарности — возникает в случае психологической готовности к совместным действиям ради групповых интересов. Перманентное кризисное состояние актуализирует доступ разных групп к социальным ресурсам и порождает различного рода “размежевания”, “расколы”, “разделения” и “различия” больших социальных групп. То есть в случае, когда индивидуальная депривация подпитывается актуализацией определенных размежеваний, возникновение массовых протестов становится вопросом времени.

Итак, сформулирую свои основные гипотезы.

Гипотеза 1. Социальная напряженность в украинском обществе обусловлена преимущественно депривационными и ресурсными факторами.

Гипотеза 2. Среди остальных факторов ключевую роль в плане участия в массовых политических протестах в Украине (таких, как Оранжевая революция и Евромайдан) играют социальные размежевания.

Описание данных и методика исследования

Эмпирической базой исследования факторов социальной напряженности и массовых протестов служит массив данных социологического мониторинга, проведенного Институтом социологии НАН Украины в течение 1998–2016 годов. Выборочная совокупность каждого опроса в среднем составляет 1800 человек и репрезентирует взрослое население Украины (в возрасте от 18 лет). По типу построения выборка трехступенчатая, стратифицированная, случайная, с квотным скринингом на последней ступени (авторы выборки: Н.Панина, Н.Чурилов). На первой ступени осуществляют отбор населенных пунктов (точек опроса), на второй — отбор адресов (исходных точек маршрута), на третьей — респондентов. Квотный скрининг на последней ступени позволяет в подвыборках каждой области Украины сохранять пропорции населения по типу поселения (областной центр / город / село), полу, возрасту и уровню образования, характерные для конкретной области и определенного типа населенного пункта.

Зависимые переменные

Период 1998–2016 годов выбран в связи с тем, что вопросы, которые репрезентируют показатели социальной напряженности, появились в мониторинговом исследовании с 1998 года. Речь идет о вопросе “Как Вы считаете, насколько возможны сейчас в Вашем городе/селе массовые выступления (митинги, демонстрации) населения против падения уровня жизни, в защиту своих прав?” и вопросе “Если такие митинги, демонстрации протеста состоятся, Вы лично будете в них участвовать или нет?”. В качестве зависимых переменных эти показатели приобретают значения от 1 для группы ответивших утвердительно до 0 для группы давших негативный ответ или неопределившихся. Оценка вероятности массовых протестов отражает социальную напряженность на *уровне ощущений*, тогда как готовность непосредственного участия в протестах отражает *интенциональное содержание* реакции на этот эмоциональный фон. Ведь готовность человека выйти на улицу и протестовать, даже если он не надеется, что по этой причине произойдет “возмущение” большинства, свидетельствует о нарушении механизма социальной конформности, который служит основой стабильного существования общества [Резник, 2011]. Но несмотря на то, что в течение этого периода произошло несколько массовых протестных выступлений, динамика утвердительных ответов на эти вопросы вряд ли может служить прогностическим инструментом предвосхищения реальных протестов (см. рис.).

Единственным прогнозным основанием является факт совпадения уровня вероятности протестов и готовности непосредственного участия в них в годы протестного обострения или в условиях, когда количество тех, кто предполагал вероятность массовых выступлений, превышала количест-

во тех, кто был готов к непосредственному участию. Хотя этот факт требует дополнительного осмысления.

Рис. Динамика оценок населением возможности возникновения акций протеста и возможности непосредственного участия в них (1998–2016, %)

Таблица 1

Участие населения Украины в Оранжевой революции и Революции Достоинства, %

Содержание вовлеченности в протестные акции	Принимали ли Вы участие в акциях протеста в период Оранжевой революции? (2005)	Принимали ли Вы участие в акциях протеста против власти в декабре 2013 — феврале 2014 года? (2014)
Участвовал в акциях в Киеве	4,8	4,2
Участвовал в акциях в другом городе	12,8	5,3
Помогал митингующим (продуктами, вещами, деньгами и т.п.)	5,2	9,4
Не принимал участия	79,0	82,1
Не ответили	0,3	0,9

Что касается массовых протестов, в мониторинговом исследовании Института социологии НАН Украины 2005 года в качестве зависимой переменной использовалась дихотомическая переменная, отражающая ответ на вопрос “Принимали ли Вы участие в акциях протеста в период Оранжевой революции?”, а в 2014-м — ответ на вопрос “Принимали ли Вы участие в акциях протеста против власти в декабре 2013 — феврале 2014 года?” (см. табл. 1). Доли протестующих обоих Майданов в целом соизмеримы: участие в акциях протеста в период Оранжевой революции отметили 20% опрошен-

ных, в период Революции Достоинства — 17,1%. В обоих случаях переменные приобретают значения от 1 для группы ответивших утвердительно об участии в протестных акциях в Киеве, в другом городе/селе, а также о помощи митингующим до 0 для группы ответивших отрицательно.

Кроме этого для анализа использовались результаты двух исследований, проведенных в марте 2014 года фирмой Ukrainian Sociology Service. В обоих случаях было опрошено 2010 респондентов в 24 областях, Автономной Республике Крым и Киеве по национальной квотной выборке, репрезентативной по полу, возрасту, образованию, регионам и типам поселений. Погрешность выборки не превышает 2,3%. Эти два опроса ценны тем, что удалось опросить жителей Крыма во время, когда еще только начиналось завоевание полуострова российскими оккупантами. Данные были любезно предоставлены руководителем фирмы Ukrainian Sociology Service Александром Вишняком. В этих опросах в качестве зависимой переменной была использована порядковая переменная, определяемая на основе вопроса “Принимали ли Вы участие в массовых акциях протеста против власти в ноябре 2013 года — феврале 2014 года?” и измеряемая по 3-балльной шкале (см. табл. 2). Для уточнения факторов участия в протестных действиях в целом порядковую переменную перекодировали в дихотомическую переменную, приобретающую значение 1 для группы тех, кто регулярно или изредка принимал участие в протестах, и значение 0 — для тех, кто участия в протестах не принимал. В случае выяснения факторов интенсивности вовлеченности в протестные действия применялся метод множественной линейной регрессии, поскольку зависимая переменная имела порядковую шкалу, где “1 — участия в акциях не принимал; 2 — изредка участвовал; 3 — регулярно участвовал в акциях на Майдане”.

Таблица 2

Ответы на вопрос “Принимали ли Вы участие в массовых акциях протеста против власти в ноябре 2013 года — феврале 2014 года?”, %

<i>Интенсивность участия в протестах на Евромайдане</i>	Опрос фирмы Ukrainian Sociology Service	
	1–12 марта 2014 года	16–30 марта 2014 года
Регулярно участвовал в акциях на Майдане	3,8	2,8
Изредка участвовал	14,4	13,7
Участия в акциях не принимал	81,5	82,9
Нет ответа	0,3	0,6

Для выяснения факторов социальной напряженности и участия в массовых протестных действиях, когда зависимые переменные определялись дихотомическими шкалами, применялся метод бинарной логистической регрессии. Для статистической точности интерпретации результатов было решено считать влиятельными те факторы, в которых значение коэффициента уравнения существенно ($p \leq 0,01$) или максимально ($p \leq 0,001$). В случае сравнения влиятельности факторов в определенном году учитывались показатели отношения шансов влияния предикторов на зависимую переменную.

Независимые переменные

В соответствии с приведенными выше подходами к изучению детерминации социальной напряженности и массовых протестов было выделено четыре типа независимых переменных. Модель ресурсов представлена такими показателями, как возраст, образование, материальное положение семьи, тип населенного пункта, участие в общественных организациях, интерес к политике и политическая эффективность¹. Модель проявления деприваций представлена такими переменными, как оценка жизненной ситуации и оценка политической ситуации. Модель политико-экономических ориентаций представлена переменной, отражающей поддержку плановой экономики. Модель социальных расколов представлена такими переменными, как региональная поляризация во время президентских выборов 2004 года; родной язык; статус русского языка; пророссийская и проевропейская ориентации (детальнее см. : Приложения 1, 2).

Результаты

Построение уравнений бинарной логистической регрессии влияния различных факторов на зависимую переменную, отражающую оценку вероятности возникновения протестных выступлений в течение 1998–2016 годов, указывает на существование как устойчивых детерминант социальной напряженности в украинском обществе, так и временных (см. табл. 3). Оказалось, что наиболее влиятельными и устойчивыми были факторы типа населенного пункта и политической эффективности. То есть оценка возможности массовых выступлений (митингов, демонстраций) людей возрастала по мере увеличения населенного пункта и ощущения возможности что-то предпринять против решения местных властей, ограничивающего их законные права и интересы. В некоторые годы проявилось влияние депривационных факторов оценки жизненной ситуации и политической ситуации. Так же лишь в определенные годы проявил себя фактор интереса к политике. Фактор региональной поляризации проявился лишь дважды — в 1998 и 2000 годах, когда социальная напряженность фиксировалась в Юго-Восточном макрорегионе.

Точно так же только в определенные годы, однако с меньшей значимостью, зафиксировано влияние материального уровня жизни (в 2000 году социальная напряженность возрастала со снижением уровня жизни, а в 2012 году — с возрастанием) и ориентации на плановую экономику (в 2002 и 2012 годах). Геополитический фактор (влияние проевропейской ориентации) проявился только в 2014 году. Одноразовое влияние зафиксировано и для факторов образования (в 2012 году) и возраста (в 2016 году). Для остальных независимых переменных можно констатировать незначительное влияние или отсутствие влияния на зависимую переменную вообще.

Подобным образом выяснялись как устойчивые, так и временные (или случайные) детерминанты интенционального среза социальной напряжен-

¹ Для минимизации явления коллинеарности (взаимодействия между независимыми переменными) среди имеющихся показателей политической эффективности была выбрана переменная, отражающая оценку возможности людей что-то предпринять против решения местных властей, ограничивающего их законные права и интересы.

Таблица 3

Факторы оценки населением Украины вероятности возникновения протестных выступлений

Факторы	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2008	2010	2012	2014	2016	
Возраст	-0,006 (0,994)	-0,001 (0,999)	-0,002 (0,998)	0,008 (1,008)	0,000 (1,000)	0,007 (1,007)	0,001 (1,001)	-0,004 (0,996)	-0,001 (0,999)	-0,007(0, 993)	-0,005 (0,995)	-0,003 (0,997)	0,003 (1,003)	-0,012*** (0,988)	
Образование	0,015 (1,015)	-0,055 (0,947)	-0,033 (0,967)	-0,047 (0,954)	-0,039 (0,962)	-0,008 (0,992)	0,012 (1,012)	-0,004 (0,996)	0,021 (1,021)	0,013 (1,013)	0,051 (1,052)	0,167** (1,182)	0,049 (1,050)	0,052 (1,053)	
Материальный уровень жизни семьи	-0,006 (0,994)	0,002 (1,002)	-0,116** (0,890)	0,006 (1,006)	0,094 (1,099)	0,096 (1,101)	-0,054 (0,948)	-0,005 (0,995)	0,026 (1,026)	-0,016 (0,984)	0,035 (1,036)	0,152** (1,164)	0,096* (1,101)	-0,151* (0,860)	
Тип населенного пункта	-0,414*** (0,661)	-0,465*** (0,628)	-0,297*** (0,743)	-0,566*** (0,568)	-0,103*** (0,902)	-0,175*** (0,840)	-0,161*** (0,851)	-0,219*** (0,803)	-0,224*** (0,799)	-0,134*** (0,874)	-0,165*** (0,847)	-0,238*** (0,788)	-0,239*** (0,788)	-0,169*** (0,845)	
Членство в общественных организациях	-0,003 (1,003)	0,228 (0,796)	0,249 (0,780)	0,120 (0,887)	0,118 (0,719)	0,118 (0,889)	0,181 (0,835)	0,231 (0,794)	0,287 (0,750)	0,085 (0,918)	0,256 (0,774)	-0,080 (1,083)	-0,003 (1,003)	0,368* (0,692)	
Интерес к политике	0,148 (1,159)	0,240* (1,271)	0,188 (1,207)	0,162 (1,176)	0,062 (1,064)	0,350* (1,420)	0,233 (1,263)	0,240* (1,272)	0,326** (1,386)	0,453*** (1,573)	0,319** (1,376)	0,085 (1,178)	0,164 (1,178)	0,297** (1,346)	
Политическая эффективность	1,114*** (3,048)	1,240*** (3,455)	1,070*** (2,915)	1,273*** (3,572)	1,072*** (2,922)	0,998*** (2,714)	1,008*** (2,739)	0,877*** (2,405)	0,892*** (2,440)	0,668*** (1,949)	0,785*** (2,192)	1,062*** (2,891)	0,881*** (2,414)	0,993*** (2,698)	
Оценка жизненной ситуации	0,455*** (1,576)	0,493*** (1,637)	0,309* (1,362)	0,279* (1,322)	-	-	-	-0,035 (0,966)	0,240* (1,271)	0,019 (1,019)	0,206 (1,229)	0,305* (1,356)	0,399*** (1,490)	0,301*** (1,651)	
Оценка политической ситуации	0,249** (1,283)	0,256 (1,292)	0,084 (1,088)	0,295*** (1,344)	0,425*** (1,529)	0,277** (1,319)	0,262** (1,300)	0,142 (1,153)	0,163* (1,177)	0,284*** (1,328)	0,321*** (1,378)	0,449*** (1,567)	0,320** (1,377)	0,195* (1,215)	
Ориентация на новую экономику	-0,003 (0,997)	0,071 (1,073)	-0,100 (0,905)	0,030 (1,030)	0,411** (1,509)	0,362* (1,436)	0,027 (1,027)	-0,004 (0,996)	0,073 (1,076)	0,172 (1,187)	0,165 (1,180)	0,388** (1,474)	-0,290* (0,748)	0,043 (1,044)	
Региональная поляризация	-0,419*** (0,658)	-0,244 (0,783)	-0,584*** (0,558)	-0,077 (0,926)	-0,160 (0,852)	0,217 (1,242)	0,389* (1,476)	0,173 (1,189)	0,214 (1,355)	0,214 (1,355)	0,304 (1,355)	-0,146 (0,864)	-0,093 (0,912)	0,382* (1,465)	
Родной язык	-0,119 (0,887)	0,157 (1,170)	0,051 (1,052)	-0,255 (0,775)	0,215 (1,239)	-0,066 (0,936)	-0,046 (0,955)	-0,331* (0,718)	0,081 (0,955)	0,081 (0,796)	-0,229 (0,891)	-0,115 (0,959)	-0,042 (1,117)	0,111 (1,007)	
Статус русского языка	0,099 (1,104)	0,336* (1,399)	0,102 (1,108)	-0,058 (0,944)	0,119 (1,126)	0,263 (1,301)	0,127 (1,135)	0,024 (1,024)	0,328* (1,389)	0,279 (1,322)	-0,067 (0,935)	-0,210 (0,811)	-0,146 (0,864)	-0,390* (0,677)	
Пророссийская ориентация	-0,028 (0,973)	0,063 (1,065)	-0,026 (0,974)	0,045 (1,046)	0,137 (1,147)	-0,149 (0,861)	0,141 (1,152)	-0,067 (0,936)	-0,278 (0,757)	-0,189 (0,828)	-0,199 (0,820)	0,048 (1,050)	0,311 (1,365)	-0,049 (0,953)	
Провропейская ориентация	-	-	0,078 (1,081)	0,151 (1,164)	-0,063 (0,939)	-0,078 (0,925)	0,224 (1,251)	0,030 (1,030)	-0,010 (0,990)	-0,010 (0,861)	-0,149 (0,861)	0,317* (1,373)	0,258 (1,294)	0,465*** (1,592)	0,036 (1,036)
Constant	-1,464 (0,231)	-2,049 (0,129)	-1,135 (0,321)	-1,919 (0,147)	-2,517 (0,081)	-2,756 (0,064)	-2,002 (0,135)	0,061 (1,063)	-1,766 (0,171)	-1,883 (0,171)	-2,599 (0,074)	-3,426 (0,033)	-3,047 (0,048)	-1,475 (0,229)	
Nagelkerke R ²	0,127	0,126	0,099	0,147	0,104	0,126	0,108	0,179	0,165	0,120	0,138	0,222	0,202	0,169	
N	606	453	365	498	320	330	343	529	434	366	296	341	550	484	

Примечания: В таблице показаны β -коэффициенты предикторов регрессионного уравнения с соответствующим отношением шансов их влияния на зависимость переменную в скобках;

* $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$, *** $p \leq 0,001$.

Таблица 4

Факторы личной готовности людей в Украине принять участие в протестных действиях

Факторы	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2008	2010	2012	2014	2016
Возраст	-0,004 (0,996)	0,002 (1,002)	-0,007 (0,993)	0,004 (1,004)	-0,005 (0,995)	0,007 (1,007)	-0,003 (0,997)	-0,010* (0,990)	-0,008* (0,992)	-0,005 (0,990)	-0,018*** (0,982)	-0,010* (0,990)	-0,013*** (0,987)	-0,010** (0,990)
Образование	0,021 (1,022)	-0,161** (0,851)	-0,067 (0,935)	0,071 (1,074)	0,027 (1,028)	0,011 (1,011)	0,036 (1,036)	0,046 (1,047)	-0,037 (0,964)	-0,003 (0,997)	0,062 (1,063)	0,041 (1,042)	0,019 (1,019)	0,019 (1,045)
Материальный уровень жизни семьи	-0,038 (0,968)	-0,057 (0,944)	-0,124** (0,883)	-0,054 (0,948)	-0,044 (0,957)	-0,006 (0,994)	-0,080 (0,923)	0,002 (1,002)	0,020 (1,020)	-0,056 (0,946)	-0,092* (0,977)	-0,023 (0,972)	-0,012 (0,988)	-0,047 (0,954)
Тип населенного пункта	0,079 (1,082)	-0,085 (0,918)	0,135 (1,145)	0,065 (1,068)	0,034 (1,035)	0,040 (1,040)	0,042 (1,043)	0,010 (1,010)	0,044* (1,045)	0,052** (1,054)	0,022 (0,991)	-0,015 (0,986)	0,052* (1,053)	0,032 (1,033)
Членство в общественных организациях	0,229 (0,796)	0,665*** (0,514)	0,634*** (0,530)	0,118 (0,889)	0,276 (0,759)	0,452*** (0,637)	0,652*** (0,521)	0,261 (0,770)	0,585*** (0,557)	0,431** (0,650)	0,391** (0,677)	0,385*** (0,557)	0,596*** (0,551)	0,588*** (0,556)
Интерес к политике	0,526*** (1,692)	0,617*** (1,853)	0,416*** (1,517)	0,549*** (1,732)	0,560*** (1,750)	0,634*** (1,885)	0,429*** (1,536)	0,891*** (2,438)	0,678*** (1,970)	0,612** (1,844)	0,584*** (1,793)	0,493*** (1,637)	0,644*** (1,903)	0,465*** (1,592)
Политическая эффективность	1,471*** (4,353)	1,582*** (4,864)	1,911*** (6,760)	1,768*** (5,860)	0,905*** (2,471)	1,056*** (2,875)	0,994*** (2,703)	0,966*** (2,628)	0,974*** (2,649)	0,951*** (2,587)	0,881*** (2,412)	1,086*** (2,962)	1,122*** (3,072)	1,175*** (3,237)
Оценка жизненной ситуации	0,739*** (2,095)	0,461*** (1,586)	0,603*** (1,827)	0,744*** (2,104)	-	-	-	0,407*** (1,502)	0,423*** (1,526)	0,357*** (1,429)	0,533*** (1,704)	0,663*** (1,941)	0,896С(1, (1,326)	0,574*** (1,776)
Оценка политической ситуации	0,435*** (1,545)	0,616*** (1,852)	0,375*** (1,455)	0,421*** (1,524)	0,628*** (1,875)	0,448*** (1,565)	0,360*** (1,434)	0,158 (1,171)	0,199** (1,221)	0,108 (1,114)	0,241*** (1,273)	0,401*** (1,493)	0,155 (1,168)	0,095 (1,100)
Ориентация на новую экономику	0,120 (1,128)	0,174 (1,191)	0,293* (1,341)	0,200 (1,221)	0,530*** (1,699)	0,467*** (1,596)	0,520*** (1,681)	0,556*** (1,743)	0,526*** (1,692)	0,397** (1,487)	0,443*** (1,557)	0,227 (1,254)	0,182 (1,200)	-0,062 (0,940)
Региональная поляризация	-0,299* (0,741)	0,060 (1,062)	-0,132 (0,877)	-0,028 (0,972)	-0,102 (0,903)	0,017 (1,017)	0,199 (1,221)	0,303* (1,354)	0,164 (1,178)	-0,041 (0,960)	0,337* (0,960)	-0,233 (0,792)	0,694*** (2,002)	0,106 (1,112)
Родной язык	0,321* (1,379)	0,012 (1,012)	0,406 (1,502)	0,407* (1,502)	0,202 (1,224)	0,255 (1,290)	0,171 (1,187)	0,079 (1,082)	-0,277 (0,837)	-0,178 (0,837)	0,041 (1,041)	0,120 (1,127)	0,282 (1,326)	0,039 (1,039)
Статус русского языка	-0,025 (0,976)	-0,012 (0,988)	0,193 (1,213)	0,284 (1,329)	-0,002 (0,998)	-0,184 (0,832)	-0,177 (0,853)	-0,147 (0,863)	-0,119 (0,887)	-0,229 (0,795)	0,248 (0,958)	0,248 (0,958)	-0,043 (0,963)	-0,349 (0,705)
Пророссийская ориентация	0,077 (1,080)	0,072 (1,075)	0,084 (1,088)	0,057 (1,059)	0,236 (1,267)	0,169 (1,184)	0,280 (1,323)	-0,225 (0,799)	-0,303* (0,739)	-0,058 (0,944)	-0,236 (0,790)	-0,217 (0,805)	0,380 (1,463)	0,436* (1,546)
Проевропейская ориентация	-	-	0,540*** (1,717)	0,283* (1,327)	0,032 (1,033)	-0,036 (0,964)	0,297* (1,345)	0,076 (1,079)	0,262* (1,300)	0,274* (1,315)	0,190 (1,209)	-0,058 (0,944)	0,680*** (1,974)	0,406** (1,501)
Constant	-5,120 (0,006)	-2,689 (0,068)	-4,462 (0,012)	-6,307 (0,002)	-4,053 (0,017)	-3,899 (0,020)	-3,060 (0,047)	-3,665 (0,026)	-3,196 (0,041)	-2,770 (0,063)	-3,168 (0,042)	-3,686 (0,025)	-3,548 (0,029)	-3,487 (0,031)
Nagelkerke R ²	0,174	0,157	0,188	0,209	0,136	0,142	0,132	0,181	0,161	0,126	0,165	0,171	0,228	0,175
N	584	510	410	475	458	493	421	329	516	478	477	411	465	435

Примечания: В таблице показаны β -коэффициенты предикторов регрессионного уравнения с соответствующим отношением шансов их влияния на зависимую переменную в скобках;

* $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$, *** $p \leq 0,001$.

ности (см. табл. 4). Построение уравнений бинарной логистической регрессии влияния разных факторов на зависимую переменную, отражающую личную готовность респондента принять участие в протестных выступлениях в 1998–2016 годах, демонстрирует, что наиболее влиятельными и устойчивыми были депривационные факторы и социально-психологические аспекты ресурсных детерминант. Личная готовность протестовать возрастала по мере усиления интереса к политике, ощущения возможности что-то сделать в случае дискриминационных решений местных властей, негативных оценок жизненной ситуации. Не так стабильно, но часто фиксируется влияние членства в общественных организациях, оценки политической ситуации и ориентации на плановую экономику. Лишь в отдельные годы обнаруживалось положительное влияние проевропейской ориентации и негативное влияние возраста. Фактор региональной поляризации в полной мере (значимость на уровне 0,001) проявился только в 2014 году, когда социальная напряженность фиксировалась в Западно-Центральном макрорегионе. Несколько меньшее и лишь одногодичное влияние зафиксировано для факторов образования (в 1999 году), материального положения семьи (в 2000 году) и типа населенного пункта (в 2008 году). Остальные факторы были невлиятельными или же в отдельные годы коэффициенты имели минимальные значения.

Рассмотрение факторов массового протестного поведения показывает иную природу его обусловленности (см. табл. 5).

Таблица 5

Детерминанты протестных действий населения Украины во время Оранжевой революции и Революции Достоинства (Институт социологии НАН Украины), логистические регрессии

Детерминанты	Оранжевая революция	Революция Достоинства (Евромайдан)
Возраст	-0,028*** (0,972)	-0,013* (0,987)
Образование	0,057 (1,058)	0,091 (1,095)
Материальный уровень жизни семьи	0,115* (1,122)	-0,035 (0,966)
Тип населенного пункта	-0,045 (0,956)	-0,081** (0,923)
Членство в общественных организациях	-0,525** (0,592)	-1,147*** (0,318)
Интерес к политике	0,726*** (2,068)	0,651*** (1,918)
Политическая эффективность	0,525** (1,691)	0,372* (1,450)
Оценка жизненной ситуации	0,122 (1,130)	-0,385** (0,680)
Оценка политической ситуации	-0,107 (0,898)	-0,271 (0,763)
Ориентация на плановую экономику	0,071 (1,074)	-0,341 (0,711)
Региональная поляризация	1,689*** (5,416)	1,382*** (3,983)

Окончание табл. 5

Детерминанты	Оранжевая революция	Революция Достоинства (Евромайдан)
Родной язык	0,315 (1,370)	0,469 (1,598)
Статус русского языка	-0,439* (0,644)	-0,628* (0,534)
Евразийская ориентация	-0,630*** (0,533)	-0,613 (0,542)
Прозападная ориентация	0,640*** (1,896)	0,792*** (2,209)
<i>Constant</i>	-2,945 (0,053)	-1,033 (0,356)
<i>Nagelkerke R²</i>	0,368	0,326
<i>N</i>	314	262

Примечания: В таблице показаны β -коэффициенты предикторов регрессионного уравнения с соответствующим отношением шансов их влияния на зависимую переменную в скобках;

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Анализ коэффициентов построенных уравнений демонстрирует, что влиятельными детерминантами протестных действий участников Оранжевой революции оказались макрорегиональный раскол (преобладали жители Запада и Центра страны), интерес к политике (участие возрастало по мере усиления интереса), внешнеполитические приоритеты (преобладали приверженцы вступления Украины в ЕС и противники присоединения Украины к союзу России и Беларуси) и возраст (участие возрастало с уменьшением возраста). Влияние факторов политической эффективности и членства в общественной организации оказалось несколько меньшим. Остальные факторы либо обнаружили минимальное влияние (материальный уровень жизни и статус русского языка), либо вовсе не влияли.

Результаты исследования мониторингового исследования Института социологии НАН Украины 2014 года продемонстрировали, что детерминанты, обусловившие Оранжевую революцию, в целом воспроизвели свое влияние и в отношении Революции Достоинства. В частности, наиболее влиятельными факторами протестных действий участников Евромайдана также оказались макрорегиональный раскол (преобладали жители Запада и Центра страны), прозападная ориентация, интерес к политике (участие возрастало с усилением интереса) и членство в общественной организации. Новыми, но менее влиятельными оказались факторы типа населенного пункта (чем многочисленнее было место проживания респондента, тем большими были шансы его участия) и оценки жизненной ситуации (участие возрастало с негативными оценками). Как бы там ни было, если учитывать показатели отношения шансов влияния предикторов на зависимую переменную (в скобках), то в обоих случаях наиболее влиятельными оказались факторы макрорегионального раскола, прозападной ориентации и интереса к политике.

Результаты построения уравнений бинарной логистической регрессии на данных фирмы Ukrainian Sociology Service касательно участия в протестных действиях в ходе Революции Достоинства также воспроизвели влияние проевропейской ориентации, принадлежности к Западно-Центральному макрорегиону, преобладания украинского языка общения в семье и молодого возраста (см. табл. 6). Влияние фактора образования зафиксировано лишь в опросе 1–12 марта 2014 года. Чуть меньшим оказалось влияние показателя типа поселения.

Таблица 6

Детерминанты участия населения Украины в Революции Достоинства, логистические регрессии

Детерминанты	Опросы фирмы Ukrainian Sociology Service	
	1–12 марта 2014 года	16–30 марта 2014 года
Возраст	–0,020*** (0,980)	–0,025*** (0,975)
Образование	0,212*** (1,236)	0,074 (1,077)
Имущественный слой	–0,029 (0,971)	–0,293* (0,746)
Тип поселения	–0,238** (0,788)	–0,235** (0,790)
Региональная поляризация	0,954*** (2,597)	0,812*** (2,251)
Язык общения в семье	–0,648*** (0,523)	–0,449*** (0,638)
Геополитическая ориентация	1,590*** (4,902)	1,301*** (3,672)
<i>Constant</i>	–1,043 (0,353)	0,424 (1,527)
<i>Nagelkerke R²</i>	0,376	0,291
<i>N</i>	331	270

Примечания: В таблице показаны β -коэффициенты предикторов регрессионного уравнения с соответствующим отношением шансов их влияния на зависимую переменную в скобках;

* $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$, *** $p \leq 0,001$.

Построенная модель детерминант интенсивности участия в Революции Достоинства методом линейной регрессии опять-таки показала влияние выявленной конфигурации приведенных выше факторов (см. табл. 7). Однако в этом случае величина β -коэффициентов указывает на несколько иную иерархию переменных в детерминации. Участие в Революции Достоинства по интенсивности действия показывает, что наиболее влиятельным фактором оказался язык общения в семье (чем последовательнее респондент разговаривал на украинском, тем более возрастали шансы его интенсивного участия в протестах). Следующими по влиянию оказались факторы региональной поляризации, возраста и типа поселения. В опросе 1–12 марта 2014 года проявилось влияние фактора образования. Фактор геопо-

литической ориентации, напротив, оказал меньшее влияние на интенсивность участия, нежели в случае участия в протестах в целом. Это наталкивает на мысль о том, что “ядро” протеста (наиболее “яркие” протестующие) было сконцентрировано в большей степени в среде украиноязычных, чем среди тех, кто исповедовал проевропейскую ориентацию.

Таблица 7

**Детерминанты интенсивности участия населения Украины
в Революции Достоинства, множественные линейные регрессии**

Детерминанты	Опросы фирмы Ukrainian Sociology Service	
	1–12 марта 2014 года	16–30 марта 2014 года
Возраст	0,119*** (4,772)	0,119*** (4,373)
Образование	-0,078** (-3,050)	-0,039 (-1,423)
Имущественный слой	0,016 (0,620)	0,053 (1,902)
Тип поселения	0,093*** (3,524)	0,065* (2,384)
Региональная поляризация	-0,128*** (-3,281)	-0,148*** (-3,780)
Язык общения в семье	0,287*** (7,561)	0,190*** (4,730)
Геополитическая ориентация	-0,090** (-2,740)	-0,074* (4,730)
<i>Adjusted R²</i>	0,225	0,161

Примечания: Данные представляют собой стандартизированные β -коэффициенты с T -значениями в скобках;

* $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$, *** $p \leq 0,001$.

Можно предположить, что фиксация влияния языкового фактора на протестное поведение по данным опросов фирмы Ukrainian Sociology Service связана с тем, что эти два опроса проводились сразу после Евромайдана и в выборке исследования еще присутствовал Крым. Это позволило точнее зафиксировать языковое размежевание. А вот мониторинговое исследование 2014 года проводилось в июле, уже после аннексии Крыма, где опрос не удалось провести, и в разгар войны на Востоке, когда фактор усиления патриотизма мог определенным образом “расширить” круг участников Майдана.

Обсуждение и выводы

Итак, в целом обе гипотезы были доказаны. Как и предполагалось, социальная напряженность и массовые политические протесты имеют отличные детерминанты и механизмы. Социальная напряженность в украинском обществе в течение 1998–2016 годов главным образом обуславливалась депривационными и ресурсными факторами. Впрочем, если смотреть на динамику факторов социальной напряженности по отдельным показателям, то установленные различия дают основания уверенно констатировать существование отдельных срезов социальной напряженности, механизмы формирования

которых часто носят различный характер. Динамика факторов оценки вероятности возникновения протестных выступлений продемонстрировала постоянное влияние отдельных ресурсных факторов: социальная напряженность на уровне ощущений наблюдается среди респондентов с повышенным показателем политической эффективности, которые проживают в крупных населенных пунктах. Очевидно, что эмоциональный фон жизнедеятельности в крупных городах обостряет механизмы социального сравнения. Это согласуется с теориями о вызываемом процессами урбанизации возрастании стрессовой нагрузки, аномии, разного рода девиаций [Зиммель, 2003; Wirth, 1938; Milgram, 1970; Glass, 1972]. В то же время анализ продемонстрировал, что оценка вероятности массовых выступлений не всегда обусловлена депривационными факторами. Их влияние можно видеть в отдельные годы, причем оно не всегда четко согласовывалось с социально-экономическими и политическими реалиями.

Интенциональный уровень социальной напряженности — личная готовность присоединиться к протестам — напротив, требует более широкого набора факторов. Здесь прослеживается четкое сочетание ресурсов (членство в общественных организациях, интерес к политике, политическая эффективность) и неудовлетворенности (негативные оценки жизненной и политической ситуаций). Характерно, что готовность к протестам никак не дифференцируется по типу поселения. Это свидетельствует о том, что интенциональный уровень социальной напряженности не обуславливается объективными раздражителями только лишь городской среды. Результаты оценки жизненной и политической ситуаций требуют осмысления существующего положения и его сравнения с прошлым. Это заостряет интерес к политике, что неизбежно направляет индивида в когнитивное поле осмысления преимуществ и недостатков существующего социально-экономического порядка. Собственно в течение 2000-х годов влиятельным оказался фактор поддержки плановой экономики. Кроме того, показательным оказался факт отсутствия влияния на оба среза социальной напряженности фактора статуса русского языка, что свидетельствует об искусственности этого раздражителя.

Безусловно, депривационные факторы также влияют на причины массовых политических протестов. Накануне президентских выборов 2004 года и Оранжевой революции представления о вероятности победы основных кандидатов внушали опасения и страхи различного характера [Резник, 2005b]. Высокий уровень неудовлетворенности политикой властей и осознание невозможности влияния из-за массовых фальсификаций на президентских выборах привели к социально-политическому взрыву 2004 года. А драматические события Революции Достоинства были вызваны тем, что весомая часть украинского общества накануне этих событий начала рассматривать евроинтеграцию в качестве внешнего фактора модернизации и демократического транзита. Европейские структуры представлялись украинцам своеобразным контролером за коррумпированными политическими элитами. Поэтому внезапный отказ президента и правительства Украины подписать соглашение об ассоциации с ЕС повлек резкую неудовлетворенность проевропейского населения Западного и Центрального регионов, которое сразу почувствовало опасность для собственной национальной идентичности. Сочетание структурных детерминант и социальных ресурсов

(молодой возраст, интерес к политике) обеспечило “взрывной” эффект. Собственно, наиболее последовательной социальной базой Революции Достоинства стали украиноязычные граждане, в сознании которых существовала угроза поглощения Украины таким геополитическим образованием, где их национальная идентичность была бы размыта. Позже российская агрессия расширила круг тех, кто ощутил экзистенциальную угрозу украинской идентичности.

Сравнение детерминант социальной напряженности и массовых протестов в Украине показало, что обусловленность феномена социальной напряженности не объясняется групповыми идентификациями с соответствующими идентичностями (региональными и языковыми размежеваниями), а ограничивается ресурсными и депривационными факторами. Различие механизмов формирования обоих феноменов объясняется тем, что детерминация социальной напряженности изучалась на уровне личности, тогда как массовые протесты являются проявлением коллективного недовольства. Очевидно, что в дальнейших исследованиях следует сосредоточиться на разработке инструментария, который бы смог зафиксировать коллективное, групповое измерение социальной напряженности. Вместе с тем результаты продемонстрировали существование отдельных личностных уровней (уровня ощущений и интенционального) социальной напряженности, которые предполагают отличные детерминанты и механизмы формирования. Все это позволяет лучше понять ход демократического транзита в посткоммунистических обществах и предупреждать социальные конфликты.

Приложение 1

Независимые переменные, использованные в массивах мониторингового исследования Института социологии НАН Украины

Возраст: измеряется как количество полных лет жизни.

Образование: с возможными вариантами ответа “1 — начальное, неполное среднее; 2 — среднее общее; 3 — среднее специальное (техникум, училище, колледж); 4 — первая ступень высшего образования (бакалавр); 5 — полное высшее образование (специалист, магистр, аспирантура, ученая степень)”.

Материальный уровень жизни семьи: измеряемый по шкале 0–10 (0 — самый низкий, 10 — самый высокий). В массиве 2016 года материальное положение семьи измерялось по шкале: “1 — часто не имеем денег и продуктов — иногда нищенствуем; 2 — не хватает продуктов питания — иногда голодаем; 3 — хватает только на продукты питания; 4 — хватает в целом на проживание; 5 — хватает на все необходимое, но нам не до сбережений; 6 — хватает на все необходимое, делаем сбережения; 7 — живем в полном достатке”.

Тип населенного пункта: в массивах 1998–2001 годов использовалась переменная, которая приобретает значение 1 для тех, кто указал свое проживание в Киеве или в большом городе; 2 для тех, кто указал свое проживание в малом городе; 3 для тех, кто указал свое проживание в селе. С 2002 года этот показатель измеряется по шкале “1 — город с населением свыше 1 млн человек; 2 — от 501 тыс. до 1 млн человек; 3 — от 251 тыс. до 500 тыс. человек; 4 — от 101 тыс. до 250 тыс. человек; 5 — от 51 тыс. до 100 тыс. человек; 6 — от 21 тыс. до 50 тыс. человек; 7 — менее 20 тыс. человек; 8 — поселок городского типа (ПГТ); 9 — село”.

Членство в общественных организациях: переменная, принимающая значение 1 для тех, кто указал собственное членство в общественных или политических организациях, и значение 0 — для тех, кто этого не указал.

Интерес к политике: измеряемый на основе вопроса “В какой мере Вас интересует политика?” с возможными вариантами ответа “1 — совсем не интересует; 2 — в определенной мере интересуется; 3 — очень интересуется”.

Политическая эффективность: переменная, приобретающая значение 1 для тех, кто указал, что смог бы что-то предпринять против решения местных властей, которое ограничивает их законные права и интересы, и значение 0 — для тех, кто указал, что не смог бы либо не определился.

Оценка жизненной ситуации: измеряемая на основе вопроса “Как Вы считаете, какое из приведенных ниже высказываний более всего соответствует ситуации, сложившейся в стране?” с возможными вариантами ответа “1 — все не так плохо, и можно жить; 2 — жить трудно, но можно терпеть; 3 — терпеть наше бедственное положение уже невозможно”.

Оценка политической ситуации: измеряемая на основе вопроса “Как бы Вы оценили в целом политическую ситуацию в Украине?” с возможными вариантами ответа “1 — благополучная; 2 — спокойная; 3 — напряженная; 4 — критическая, взрывоопасная”.

Ориентация на плановую экономику: в массивах 1998–2001 годов переменная, принимающая значение 1 для тех, кто, отвечая на вопрос “Как Вы

относиться к экономическим преобразованиям?”, выбрал вариант ответа “Нам нужно вернуть экономику к тому состоянию, в котором она была до начала перестройки” и значение 0 — для тех, кто этого не указал. С 2002 года — переменная, принимающая значение 1 для тех, кто, отвечая на вопрос “Каким образом, по Вашему мнению, государство должно участвовать в управлении экономикой?”, выбрал вариант ответа “Нужно вернуться к плановой экономике на основе полного государственного учета и контроля” и значение 0 — для тех, кто этого не указал.

Региональная поляризация: переменная, принимающая значение 1 для тех, кто указал свое место жительства в Западно-Центральном макрорегионе (Винницкая, Волынская, Житомирская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Киевская, Кировоградская, Львовская, Полтавская, Ривненская, Сумская, Тернопольская, Хмельницкая, Черкасская, Черновицкая, Черниговская области и г. Киев), и значение 0 — для тех, кто указал свое место жительства в Юго-Восточном макрорегионе (АР Крым, Днепропетровская, Донецкая, Запорожская, Луганская, Николаевская, Одесская, Харьковская, Херсонская области).

Родной язык: переменная, принимающая значение 1 для тех, кто указал в качестве родного украинский язык, и значение 0 — для тех, кто указал родным русский язык.

Статус русского языка: переменная, принимающая значение 1 для тех, кто считает необходимым предоставить русскому языку статус официально в Украине, и значение 0 — для тех, кто так не считает или не определился.

Пророссийская ориентация: в массивах 1998–2001 годов измеряемая на основе вопроса “Как Вы относитесь к идее присоединения Украины к союзу России и Беларуси?” с возможными вариантами ответа “1 — отрицательно; 2 — скорее отрицательно; 3 — трудно сказать, положительно или отрицательно; 4 — скорее положительно; 5 — положительно”. С 2002 года — переменная, принимающая значение 1 для тех, кто положительно относится к идее присоединения Украины к союзу России и Беларуси, и значение 0 — для тех, кто относится к этому отрицательно или не определился.

Проевропейская ориентация: переменная, принимающая значение 1 для тех, кто положительно относится к идее вступления Украины в Европейский Союз, и значение 0 — для тех, кто относится к этому отрицательно или не определился.

Приложение 2

Независимые переменные, использованные в массивах фирмы Ukrainian Sociology Service

Возраст: измеряемый как количество полных лет жизни.

Образование: с возможными вариантами ответа “1 — начальное; 2 — неполное среднее (меньше 10 классов); 3 — общее среднее (10–11 классов); 4 — среднее специальное (техникум, колледж, ВУЗ I-II уровня аккредитации); 5 — неполное высшее; 6 — высшее”.

Имущественный слой: с возможными вариантами ответа “1 — к наиболее обеспеченным; 2 — к слою выше среднего; 3 — к среднему; 4 — к слою ниже среднего; 5 — к самым бедным”.

Тип поселення: с возможными вариантами ответа “1 — г. Киев; 2 — областной центр; 3 — районный центр и другие города; 4 — поселок городского типа; 5 — село”.

Региональная поляризация: переменная, принимающая значение 1 для тех, кто указал свое место жительства в Западно-Центральном макрорегионе (Винницкая, Волынская, Житомирская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Киевская, Кировоградская, Львовская, Полтавская, Ривненская, Сумская, Тернопольская, Хмельницкая, Черкасская, Черновицкая, Черниговская области и г. Киев), и значение 0 — для тех, кто указал свое место жительства в Юго-Восточном макрорегионе (АР Крым, Днепропетровская, Донецкая, Запорожская, Луганская, Николаевская, Одесская, Харьковская, Херсонская области).

Язык общения в семье: с возможными вариантами ответа “1 — только украинский; 2 — преимущественно украинский, но иногда русский; 3 — преимущественно русский, но иногда украинский; 4 — только русский”.

Геополитическая ориентация: переменная, принимающая значение 1 для тех, кто считает, что для Украины приоритетным является вступление в ЕС, и значение 0 — для тех, кто считает, что для Украины приоритетным является вступление в Таможенный Союз с Россией, Беларусью и Казахстаном.

Источники

Бабак О.В. Диференціація доходів як чинник соціальної напруженості : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. соціол. наук : 22.00.04 “Спеціальні та галузеві соціології” / О.В. Бабак ; НАН України ; Ін-т соціології. — К., 2002.

Бекешкіна І. Громадська думка щодо готовності населення до соціального протесту / І. Бекешкіна // Політичний портрет України. — 1993. — № 4. — С. 14–23.

Бекешкіна І. Конфліктологічний підхід до сучасної ситуації в Україні / І. Бекешкіна. — К. : Абрис, 1994.

Верба С. Представницька демократія і демократичні громадяни: філософське та емпіричне розуміння / С. Верба // Демократія : Антологія / [упоряд. О. Проценко]. — К. : Смолоскип, 2005. — С. 943–982.

Владико О. Готовність населення України до соціального протесту / О. Владико // Українське суспільство 1994–2005. Динаміка соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2005. — С. 151–161.

Владико О. Соціальна напруженість і готовність до соціального протесту / О. Владико // Українське суспільство 1994–2004: моніторинг соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2004. — С. 466–476.

Головаха Е.І. Потенціал протеста українського общества / Е.І. Головаха, Н.В. Паніна // Соціологіческие исследования. — 1999. — № 10. — С. 31–40.

Головаха Е.І. Готовність до соціального протесту: динаміка, регіональні особливості і чинники формування / Е.І. Головаха, Н.В. Паніна // Українське суспільство: десять років незалежності (соціологічний моніторинг та коментар науковців) / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2001b. — С. 188–200.

Головаха Е.І. Суспільство, що трансформується. Досвід соціального моніторингу / Е.І. Головаха. — К. : Стило, 1997.

Головаха Е. Соціальні зміни в Україні: пострадянська деінституціоналізація і особливості становлення нових соціальних інститутів / Е. Головаха, Н. Паніна // Політична думка. — 2001a. — № 4. — С. 3–24.

Дмитрук Н.А. Напруженість соціальна // Соціологія: короткий енциклопедичний словник / [уклад. : В.І. Волович, В.І. Тарасенко, М.В. Захарченко та ін.] ; за заг. ред. В.І. Воловича. – К. : Укр. центр духовної культури, 1998. – С. 345–346.

Зіммель Г. Великі міста і духовне життя / Г. Зіммель // Незалежний культурологічний часопис “І”. – 2003. – № 29. – С. 315–325.

Клюєнко Е.О. Діагностика соціальної напруженості : автореф. дис. ... канд. соціол. наук : 22.00.03 / Е.О. Клюєнко ; НАН України ; Ін-т соціології. – К., 1998.

Магун В. Революція домагань і зміни життєвих стратегій молоді: 1985–1995 / В. Магун // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 1998. – № 1/2. – С. 105–119.

Магун В. Структура і міжгенераційна динаміка життєвих домагань молоді в Росії та Україні: 1985–2001 / В. Магун, М. Енговатов // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2004. – № 3. – С. 47–65.

Мищенко М. Соціальні аспекти приватизаційних процесів в Україні / М. Мищенко, І. Буров. – К. : Ін-т соціології НАН України, 1998.

Небоженко В.С. Соціальна напруженість і конфлікти в українському суспільстві / В. Небоженко. – К. : Абрис, 1994.

Панина Н.В. Готовність населення к различным формам социального протеста / Н.В. Панина // Политическая культура населения Украины (результаты социологических исследований). – К. : Наук. думка, 1993. – С. 42–51.

Резнік О. Динаміка громадсько-політичних практик і протестних настроїв в Україні / О. Резнік // Українське суспільство. Десять років незалежності. Соціологічний моніторинг : у 2 т. Т. 1 : Аналітичні матеріали / за ред. В. Ворони, М. Шульги. – К. : Ін-т соціології НАН України, 2011. – С. 216–224.

Резнік О. Динаміка чинників протестних практик населення України / О. Резнік // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2009. – № 3. – С. 100–125.

Резнік О. Інституціональні чинники стабільності слабоінтегрованого українського суспільства / О. Резнік // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2005а. – № 1. – С. 155–167.

Резнік О. Особливості етнічної стратифікації в українському суспільстві / О. Резнік // Українське суспільство 1994–2004 : моніторинг соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. – К. : Ін-т соціології НАН України, 2004. – С. 54–63.

Резнік О. Соціально-політичні передумови феномену Помаранчевої революції / О. Резнік // Політичний портрет України. – 2005б. – № 33. – С. 5–14.

Слюсаревський М.М. Соціальна напруженість: теоретична модель необхідних і достатніх показників / М.М. Слюсаревський // Наукові студії із соціальної та політичної психології. – 2002. – № 5(8). – С. 24–34.

Сохань Л. Сценарії розвитку людини в умовах соціокультурної трансформації українського суспільства / Л. Сохань // Українське суспільство 1992–2007. Динаміка соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. – К. : Ін-т соціології НАН України, 2007. – С. 289–300.

Стегній О. Регіональні особливості розвитку політичної культури українського суспільства / О. Стегній // Українське суспільство 1994–2004 : моніторинг соціальних змін. – К. : Ін-т соціології НАН України, 2004. – С. 243–253.

Сумиенко Е.И. Социальная напряженность в приватизационном процессе / Е.И. Сумиенко // Социологические исследования. – 1999. – № 11 – С. 86–94.

Чернявська О.В. Механізм впливу соціальних змін на соціальну напруженість в сучасній Україні (на прикладі мегаполісу) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. соціол. наук : 22.00.07 “Соціологія управління” / О.В. Чернявська. – Х., 2001.

Ayers J.W. American Muslim Political Participation Following 9/11: Religious Belief, Political Resources, Social Structures, and Political Awareness / J.W. Ayers, C.R. Hofstetter // Politics and Religion. – 2008. – Vol. 1. – P. 3–26.

Dalton R.J. The Individual–Institutional Nexus of Protest Behaviour / R.J. Dalton, A. van Sicle, S. Weldon // *British Journal of Political Science*. — 2009. — Vol. 40(1). — P. 51–73.

Davis J.C. Towards a Theory of Revolution / J.C. Davis // *American Sociological Review*. — 1962. — Vol. 27(1). — P. 5–19.

Deegan-Krause K. New Dimensions of Political Cleavage / K. Deegan-Krause // *The Oxford Handbook of Political Behavior* / ed. by R.J. Dalton, H.-D. Klingemann. — Oxford : Oxford University Press, 2007. — P. 538–556.

Dodd S.C. A Tension Theory of Societal Action / S.C. Dodd // *American Sociological Review*. — 1939. — Vol. 4(1). — P. 56–77.

Glass D.C. Urban stress: experiments on noise and social stressors / D. Glass, J. Singer. — N.Y. : Academic Press, 1972.

Gurr T.R. Why Men Rebel. — Princeton, NJ : Princeton University Press, 1970.

Jenkins J.C. Resource Mobilization Theory and the Study of Social Movements / J.C. Jenkins // *Annual Review of Sociology*. — 1983. — Vol. 9. — P. 527–553.

Klandermans B. Identity processes in collective action participation: Farmers' identity and farmers' protest in the Netherlands and Spain / B. Klandermans, J.M. Sabucedo, M. Rodriguez, De Weerd M. // *Political Psychology*. — 2002. — Vol. 23(2). — P. 235–251.

Lipset S.M. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments / S.M. Lipset, S. Rokkan // *Consensus and Conflict: Essays in Political Sociology*. — New Brunswick : Transaction Publishers, 1985. — P. 113–186.

McCarthy J.D. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory / J.D. McCarthy, M.N. Zald // *American Journal of Sociology*. — 1977. — Vol. 82(6). — P. 1212–1241.

Melucci A. Nomads of the Present: Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society / A. Melucci. — L. : Hutchinson Radius, 1989.

Milgram S. The experience of living in cities / S. Milgram // *Science*. — 1970. — Vol. 167. — P. 1461–1468.

Opp K.-D. Theories of Political Protest and Social Movements: A Multidisciplinary Introduction, Critique, and Synthesis / K.-D. Opp. — N.Y. : Routledge, 2009.

Powell G.B. Contemporary Democracies: Participation, Stability, and Violence / G.B. Powell. — Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1982.

Reznik O. From the Orange Revolution to the Revolution of Dignity: Dynamics of the Protest Actions in Ukraine / O. Reznik // *East European Politics and Societies*. — 2016. — Vol. 30(4). — P. 750–765.

Roeder P.G. Peoples and states after 1989: the political costs of incomplete national revolutions / P.G. Roeder // *Slavic Review*. — 1999. — Vol. 58(4). — P. 854–881.

Stekelenburg J. The Social Psychology of Protest / J. van Stekelenburg, B. Klandermans // *Current Sociology*. — 2013. — Vol. 61(5–6). — P. 886–905.

Stryker S. Self, Identity, and Social Movements / S. Stryker, T.J. Owens, R.W. White. — Minneapolis ; London : University of Minnesota Press, 2000.

Tilly C. From Mobilization to Revolution / C. Tilly. — N.Y. : McGraw-Hill, 1978.

Verba S. Voice and Equality: Civic Voluntarism in American Politics / S. Verba, K. Schlozman, H.E. Brady. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1995.

Wirth L. Urbanism as a Way of Life / L. Wirth // *The American Journal of Sociology*. — 1938. — Vol. 44(1). — P. 1–24.

Zhukov V. Determinants of the protest moods in Ukraine (A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of MA in Economic Analysis). — Kyiv School of Economics, 2015.